

Свет, проникающий в узкие щели, заполнял его все больше и больше, а по руке, словно живые, пробегали зеленые нити, становясь мускулами и связками, болезненно напрягаясь, чтобы удержать его рассыпающуюся сущность. Кость будто бы соткана из света, обмотанная им, словно бинтом. Но жар начал угасать, и усталость одолевала его. В центре тела поселился холод, как будто он вышел на мороз, чтобы прополоть грядки, пока не растаял снег. Но ему было все равно. На губах появилась ухмылка — первая настоящая улыбка, которую он помнил, — и рука чувствовала себя лучше, чем когда-либо, даже несмотря на то, что любимое тепло начало угасать. Погружаясь в сон, он с удивлением осознал, что рад тому, что Громкий человек пригрозил держать его в темноте несколько дней. "Надеюсь, этого времени хватит, чтобы снова почувствовать тепло", — пронеслось в его голове. Он проснулся рано. Знал, что Громкий проснется последним, и вопрос стоял только в том, заставят ли его готовить завтрак или же надеяться, что он умрет. Он искренне желал, чтобы выбор пал на смерть — это дало бы ему время снова насладиться теплом. Он потянулся под край специального настила и достал пластиковый пакет, спрятанный в мусорном баке несколько месяцев назад. Там хранилась его еда для наказания, а также три бутылки воды, которые он бережно прятал долгое время. Сейчас было самое время воспользоваться этими ресурсами, ведь он мог многое выиграть, если останется достаточно сильным. Именно в тепле он сейчас и нуждался. Откусив кусочек корки, которую Дадли всегда отрезал от своих сэндвичей, он попытался снова почувствовать легкость. Холода в груди больше не было, а рука никогда не чувствовала себя так хорошо. Он снова усмехнулся, протягивая руки. Одна из них стала намного длиннее, на ней больше не было странных бугорков или мелких изгибов. И если он смог сделать это однажды, почему бы не сделать это снова? Он ощупал свое тело, пытаясь найти самые болезненные ощущения. Большая часть тела уже зажила. Такое случалось и раньше, но теперь он подозревал, что дело в нитях, в зеленом тепле. "Ну что ж, если ничего не болит, я могу притвориться", — подумал он. Он притворился, что ему хорошо, что он сыт и счастлив. Притвориться, что ему больно, было проще простого. Закрыв глаза, он попытался ощутить левую руку, как будто она болела так же сильно, нет, даже сильнее, чем прошлой ночью. Он внезапно открыл глаза и испугался. В отличие от прошлой ночи, когда было так трудно удержать даже этот волосок света, сейчас нить уже прыгала вдоль его левого бока. Он чувствовал себя так, словно распутал руку или выпрямил заснувшую ногу. Нить была такой естественной, да, теплой, но нормальной! По сравнению с прошлой ночью он чувствовал себя как человек, пытающийся поднять машину и обнаруживающий, что она сделана из пенопласта. Он неосознанно усмехнулся, посмотрев на свою левую руку. Но не увидел никакого свечения. Он нахмурился. Прошлая ночь была прекрасна, так почему же он не мог увидеть ее сейчас? Может, потому что было слишком светло? Он закрыл глаза и увидел слабое свечение, но не то, что было прошлой ночью. Почему? Его боль. Прошлой ночью он чувствовал боль во всем теле, но сейчас ее не было. Головная боль прошла, даже от боли в левом глазу. Он провел нитью по шее, ощущая щелчки, скрипы и небесное тепло. "Должно быть, зеленый свет исцелял мои глаза. Поэтому я мог видеть нить", — подумал он. По мере того как нить продвигалась по шее, он чувствовал, как она движется к мозгу. Белый свет лился отовсюду, такой яркий, что он не мог кричать. Тепло было его телом, нет, тепло было МИРОМ! Он не почувствовал, как его тело рухнуло обратно на матрас, и не проснулся бы сегодня от громких звуков, издаваемых его мучителями, которые вели свою жалкую жизнь. Зеленый. Мир был зеленым и туманным. Туман окружал его, и он чувствовал себя теплым и живым! Как давно он здесь? Годы? Секунды? Он посмотрел вниз, его тело было обнажено. Это его не беспокоило, здесь не было никого и ничего. Только он и тепло. Оно пульсировало, росло и извивалось. Однако он чувствовал необходимость что-то сделать. Он споткнулся, его пальцы внезапно коснулись травы, и перед ним открылся мир. Все было по-прежнему зеленым, но ощущения были знакомыми. Он был похож на двор, в котором он работал, но это был не двор. Трава была густой и тянулась во все стороны. Он посмотрел вверх: зеленый туман исчезал, и над головой простиралось чистое голубое небо. Солнца не было. Но воздух пах сладко, как тот цветок, который он когда-то нашел, пока Тонкая Женщина не

рассердилась и не уничтожила его. "Лилия? Да, пахло цветами лилии, и ветерок почти ласкал его лицо", — подумал он. Время поджимало. Он чувствовал себя немного виноватым, наслаждаясь этим, лежа на траве. Когда мимо проплывали облака, он видел в них образы, но они казались ему такими далекими. Они казались прошлым, временами, когда ему было больно или грустно. Он нахмурился. "Это мое небо, и облака должны уйти", — решил он. Он чувствовал себя здесь таким сильным, таким могущественным. Никакие облака не должны создавать здесь мрачную и пасмурную атмосферу. Он поднял руки вверх и задумался. О чем можно подумать? Однажды, еще в юности, он увидел снежный шар. Дадли выбросил его, и он играл с ним почти целый день, прежде чем его забрали. Даже с трещинами и потёками он был очень красивым. Он назвал его пряжей. Из его рук появилось множество нитей. Он был потрясен: эти нити были похожи на веревки! И в то же время он ощущал их как зеленый волосяной свет, которым он управлял, как часть себя. Использовать их было все равно что схватить чашку с водой, которую он только что поставил, чуть в стороне. Это происходило почти автоматически. Облако, за которое он ухватился, подтянулось ближе, и он наклонился вперед, пытаясь разглядеть, что же это такое. Образы становились все больше и больше, а раскаты грома — голосами. Это было воспоминание! Одно из его Рождеств, не меньше. То самое, когда его поймали за подглядыванием за рождественской елкой из щели в шкафу. На самом деле это было не так уж неприятно, но оно не должно было находиться здесь, просто витать в воздухе. Он взял облако в руки, зеленые пряди плотно обвились вокруг него, сплетаясь в полусферу. Улыбаясь, он протянул руку вверх и взял облако, которое теперь было сжато в крошечный снежный шар с текстом внизу, обозначающим время и содержание.

<http://tl.rulate.ru/book/100793/3988411>